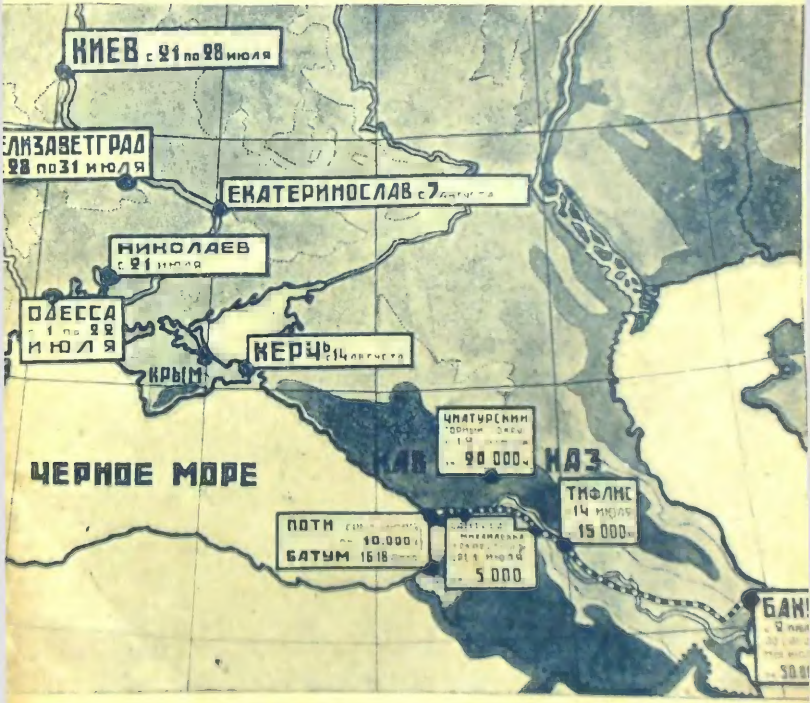
И. КОГАН

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1903 г.



ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

1928 г. № 32.

И. КОГАН

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1903 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Москва—1928

Главлит № А—16.959
Тираж 7.000
Заказ № 1508

РОСТ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Промышленный под'ем 1895—1898 г г. сменился длительным застоем промышленной жизни. Тяжелый экономический кризис продолжался почти целых четыре года с 1899 до 1903 г. За это время, по всей России закрылось громадное количество фабрик, ряд заводов сократил производство, много рабочих было выброшено на улицу. С особенной силой кризис отозвался на донской промышленности, где началась жестокая безработица. Положение рабочих, занятых на фабриках, также резко ухудшилось — заработная плата понизилась, продолжительность же рабочего дня повысилась. Годы кризиса еще резче выявили классовую противоположность интересов рабочего и фабриканта. Утихшее на время стачечное движение стало вновь сильно расти с начала XX века, при чем самый характер стачек резко изменился. Экономическая борьба все больше сплеталась с политической борьбой. Русское рабочее движение вышло из фабричных дворов и казарм на улицы городов. Количество демонстраций росло, празднование первого мая начало приобретать массовый характер. В ноябре 1902 года разразилась всеобщая стачка в Ростове на-Дону, которая и открыла политическую кампанию 1902—03 г.г.

С начала 1903 года стало замечаться некоторое промышленное оживление. Это вызвало в рабочих массах, возбужденных политической борьбой, стремление использовать благоприятное время для того, чтобы взять обратно те уступки, на которые рабочие вынуждены были пойти в годы кризиса. Конец весны и лето 1903 года характеризуются рядом стачечных движений, продолжавших дело ростовской ноябрьской стачки. В Петербурге на ф-ке Лебедева ткачи боролись за сокращение предпраздничной работы, у Максвеля — за повышение платы и добились успеха. В Николаеве в середине мая рабочие Французского завода успешно бастовали против неправильной выплаты жалованья. Особенно сильным было костромское движение, вызванное понижением заработной платы; костромская стачка также, как и ряд других сопровождалась уличными столкновениями с полицией и казаками. На Кавказе, в Баку, 1903 год превзошел всякие ожидания; 2 марта была устроена в городе открытая демонстрация; рабочих было больше 2.000 чел. «Прокламации так и летали по воздуху, все улицы были наполнены ими.

... Прискакавшие казаки пустили в ход свои нагайки, тогда только рабочие рассвирепели и, вынув свои револьверы, топоры и дубины, напали на казаков» («Искра» № 37). Стачечная борьба начинала все более и более приобретать характер мощного классового движения. Связь рабочих с социал-демократией все росла, стачки подготовлялись и проводились при участии комитетов социал-демократической партии, количество революционеров из рабочей среды все увеличивалось.

Попытки правительства подавить рабочее движение не удавались, не помоглали и все, более строгие, меры, которые применяло правительство к стачечникам. Для расправы с «бунтовщиками» стали прибегать к телесным наказаниям; админи-

стративная ссылка для участников демонстрации была заменена тяжелым приговором на поселение, в 1903 году ростовских демонстрантов предали военному суду. Несмотря на все эти жестокие меры, рабочее движение продолжало расти. Правительство решило прибегнуть к другому способу для того, чтобы отвлечь рабочих от политики. По предложению начальника Московского охранного отделения Зубатова должны были быть созданы по всей России легальные рабочие организации; с помощью этих организаций, по мысли Зубатова, рабочие должны были законным путем, при поддержке правительства, добиваться улучшения своего положения; внимание рабочих должно было сосредоточиться на экономической борьбе; этим путем правительство надеялось предохранить рабочих от «пагубного» влияния социал-демократов, связывающих экономическую борьбу с борьбой политической. Попытка охранного отделения не получила широкого распространения. Деятельность Зубатова увенчалась некоторым успехом лишь в Москве, где были созданы Общество взаимного вспомоществования рабочим в механическом производстве и Совет рабочих механического производства, — но и в Москве обе эти организации пользовались влиянием среди рабочих лишь незначительное время,—рабочие скоро убедились, что, несмотря на данные обещания, положение их нисколько не улучшилось и стали уходить из зубатовских организаций. Попытки организовать общество делались зубатовцами и в других городах — Петербурге, Киеве, Екатеринославе и т. д., но там они никакого успеха не имели; полиция натолкнулась на противодействие не только со стороны рабочих, но и со стороны фабрикантов, не заинтересованных в росте экономических стачек. Намерение зубатовцев создать так называемую еврейскую «независимую» рабочую партию в Минске для борьбы с еврейской социал-демокра-

тической партией «Бунд» потерпело крах; из Западного края зубатовцы принуждены были уйти и они перенесли свою деятельность в Одессу, где «независимые» надеялись найти подходящий элемент для своих опытов.

Южная забастовка 1903 года разбила надежды правительства приручить рабочее движение, и оно поспешило покончить с Зубатовым и его помощниками. Зубатовщина не только не остановила развития революционного движения, но даже способствовала начинавшемуся пробуждению классового сознания среди отсталых слоев рабочей массы. Июльская южно-русская стачка знаменовала собой новый этап в пролетарском революционном движении, до нее не было всеобщих забастовок, охвативших рабочих не одного города, а целого ряда городов юга России и Кавказа. В каждом отдельном городе стачка развивалась по-разному, но везде и всюду она явилась грозной демонстрацией растущей классовой солидарности.

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1903 г. НА КАВКАЗЕ.

Баку. Сигналом к всеобщей забастовке летом 1903 года послужила забастовка в Баку. С 1883 г., времени проведения железной дороги до Баку, город стал одним из крупных центров нефтяной и рыбной промышленности и начал, точно магнит, притягивать к себе стотысячную армию пролетариата. Наибольшее количество рабочих привлекала нефтяная промышленность, даже в годы кризиса число их достигало 30 тысяч человек. Добыча нефти производилась на четырех площадях: Балаханской, Сабунчинской, Романинской, верстах в 12 от Баку, на Биби-Эйбате, верстах в 4 от города. Условия работы были очень тяжелые — почва в Сабунчах и Балаханах была до нельзя загрязнена; вода была порой совершенно негодной для питья; бань для рабочих на промыслах не было; жить приходилось частью в татарских селениях — частью в рабочих казармах, в которых рабочие валялись, как сельди в бочке. Не лучше было и положение на рыбных промыслах, — туда попадали наиболее приниженные и, по большей части, неграмотные рабочие; пользуясь этим обстоятельством, хозяева усиленно эксплоатировали их. В тяжелых условиях были и судовые рабочие, они могли быть уволены в любой момент без уплаты договорной неустойки. Долгое время бакинские рабочие не принимали никакого участия в экономической и политической борьбе, которую вел как русский, так и кавказский пролетариат, — одной из причин этого явления была господство-

вавшая долго на Кавказе национальная вражда между армянами и татарами и малая сознательность квалифицированных рабочих татар и персов. С начала XX в. положение резко изменилось. Начавшийся кризис нефтяной промышленности открыл глаза бакинскому пролетариату. Во время кризиса сотни рабочих выбрасывались на улицу, хотя среди рассчитанных было много законтрактованных. Рабочие пытались привлекать промышленников к судебной ответственности, но «дело тянулось годы, а за это время рабочий, не имевший места, или спивался и умирал где-нибудь под забором в городе, или махал рукой на всю эту канитель и исчезал из Баку» («Искра» № 47). Вести о рабочих забастовках, студенческих волнениях, политических демонстрациях, происходивших в то время в разных местностях России, ободряли и бакинских рабочих. Большую роль в пробуждении классового самосознания бакинского пролетариата сыграл и прилив более сознательного элемента из России и работа возникшей в начале 1900 г. в Баку социал-демократической ячейки, — главное ядро которой составили социал-демократы, прибывшие из Тифлиса. В 1903 г. в нефтяной промышленности и в морском транспорте уже сказалось довольно сильно наступившее промышленное оживление. Цены на нефть повысились, добыча нефти тоже поднялась; хороший же урожай на юге уменьшил приток рабочих из внутренних губерний. Несмотря на это, положение рабочих не улучшилось, они оставались при низких заработках, установившихся в годы кризиса. Брожение среди рабочей массы росло, они спешили воспользоваться нуждой фабрикантов в рабочей силе. Стачки и демонстрации — два главных вида борьбы и протеста применялись в то время рабочими массами в Баку так же, как и всюду. Возникали крупные стачки даже и среди малосознательных рабочих и многие из них заканчивались победой рабочих. Празднование первого

мая 1903 года приняло грандиозный характер. Бастовали не только городские заводы и мастерские, забастовки были в Черном и Белом городах, на Байлове, Биби-Эйбате, на Балаханах и др. промыслах, работали 1-го мая только буровые рабочие, почти исключительно татары.

События надвигались. Во второй половине июня возникла стачка в мастерских Хатисова; хозяин обещал удовлетворить требования рабочих, и работы в мастерских возобновились; обещания хозяин однако не исполнил; рабочим стало известно, что он заключил соглашение с другими хозяевами, которые и обещались выполнить имевшиеся у него заказы в случае новой забастовки в мастерских. Полученное известие толкало рабочих к дальнейшим действиям. 29 июня забастовали мастера Биби-Эйбатского нефтяного общества, требования их были удовлетворены, и стачка на несколько дней прекратилась, но 2 июля вспыхнула с новой силой и охватила на этот раз уже не одно предприятие, а весь город Баку и его окрестности.

2 июля забастовали вновь на Биби-Эйбате мастерские Хатисова, к ним присоединились, только что кончившие бастовать, Биби-Эйбатское нефтяное общество Манташева и ряд других — нефтяное общество Шихова «Олеум», в Черном городе — Хатисова, Левинсона, Мельникова, Эйзеншмидт. 3 июля к забастовке примкнули рабочие железнодорожного депо, мастерских конно-железных дорог, заводы Нобеля, мелкие заводы Лапина, Рысева и Бардера. В 10 часов утра этого же дня состоялась сходка, на которой присутствовало около 2.000 забастовавших рабочих, было произнесено несколько речей о необходимости борьбы; сходка закончилась пением марсельезы. 4 июля к забастовке присоединился еще ряд заводов, некоторые бросали работу, не предъявив никаких требований, единственно из солидарности с забастовав-

шими. Это было уже совершенно новое явление, показывавшее рост классового сознания. Стачкой был охвачен весь Черный и Белый города и Биби-Эйбат. Усилиями рабочих было остановлено движение товарных поездов и попорчены паровозы для того, чтобы затруднить возобновление движения.

К 5 июля вся промышленная жизнь города замерла, — стояли все заводы, депо железной дороги, фабрики, мелкие ремесленные заведения, в этот же день стала и конка. Команды прибывших наливных шкун немедленно присоединялись к стачке. Привоз и вывоз товаров из городов прекратился. Бросили работу строительные мастера, плотники, чернорабочие, метельщики, мусорщики. Даже дворники сняли, по рассказам очевидцев, свои значки, не желая «работать» против «внутреннего врага». Стачка из Баку перебросилась в Балаханы, телеграфная связь между Балаханами и Баку была прервана.

Всех бастовавших было около 50 тысяч человек. Бакинская социал-демократическая организация не была подготовлена к руководству таким массовым движением пролетариата, — на сходках часто не хватало ораторов, могущих об'единить всех собравшихся. Для руководства стачкой был образован стачечный комитет; ежедневно от имени обоих комитетов — социал-демократич. и стачечного выходили прокламации на разных языках, но и их было недостаточно. Социал-демократическим комитетом были выпущены листки, в которых были напечатаны общие требования бастовавших: восьмичасовой рабочий день, уничтожение сверхурочных работ, повышение заработной платы на 25%, отмена незаконных обысков на улицах, отмена обысков при уходе с работы, устройство удобных жилищ для балаханских рабочих, школ, больницы, народного театра за счет предпринимателей и мн. др.

Ежедневно происходили сходки, на самых малочисленных было не менее 3.000 человек, не редкость были и 20—30-тысячные сходки. Полиция временно воздерживалась от решительных действий, в ее распоряжении было слишком мало войска в первые дни забастовки. Казаки ограничивались лишь тем, что под'езжали к толпе и кричали ораторам: «прекратить», на что неизменно следовал ответ: «продолжать», и лишь когда собрание начинало расходиться, казаки нападали на последние группы рабочих. Постепенно в Баку начали прибывать войска, и местная власть перешла в наступление: на улицах началось избиение небольших групп рабочих; вагоны, конки, управлявшиеся штрейкбрехерами, шли под охраной штыков; железнодорожные мастерские начали работать при помощи железнодорожного батальона, выписанного из Закаспия. Рабочих, подававших пресную воду в город, заставляли работать с помощью казацких нагаек.

Несмотря на все гонения, забастовка продолжалась. Нефтепромышленники терпели большие убытки, около 2½ миллионов в день, они совещались ежедневно, придумывая способы прекратить стачку. До прибытия войск в Баку члены совета с'езда нефтепромышленников сами обращались к рабочим, предлагая им посредничество совета в их переговорах с хозяевами. В ответ на это предложение требования рабочих были пред'явлены совету с'езда нефтепромышленников. В это время прибыли в Баку надежные полки, и капиталисты, почувствовавшие за собой поддержку штыков, отвергли все требования рабочих, под предлогом, что требования пред'явлены «незаконным путем» и, что самая забастовка произошла благодаря «насилию» одной части рабочих над другой. Поднял настроение капиталистов и полученный из Петербурга приказ Плеве «ни в каком случае не уступать». Повсюду были вывешены об'явления,

что «кто 14 июля к 6 часам утра не явится на работу, — считается уволенным; после возобновления работ нужды рабочих будут рассмотрены и «по возможности» удовлетворены». Непреклонностью капиталистов остались недовольны даже управляющие фирм, которые считали необходимым пойти на некоторые уступки, — до такой степени требования рабочих касались их насущных нужд. И действительно, несмотря на давление правительства, позже отдельные промышленники принуждены были хотя бы частично удовлетворить требования рабочих. По свидетельству самих нефтепромышленников из 37 бакинских фирм 3 удовлетворили требования рабочих полностью, 15 частично, 19 вовсе не удовлетворили рабочих и почти все, 31 фирма, уплатили рабочим за стачечные дни. Главное требование рабочих, 8-часовой рабочий день, было выполнено лишь на трех предприятиях, остальные же нефтепромышленники согласились лишь на некоторые мелкие уступки и только в незначительном количестве промыслов повысили поденную плату. Не было дано согласие и на постройку необходимых рабочих жилищ. И значительно позже, уже после революции 1905 года, депутация рабочих вынуждена была вновь выдвинуть вопрос о жилищах на с'езде нефтепромышленников в Петербурге.

14 июля некоторые фабрики приступили к работе; дольше всего держалось главное ядро стачечников на Балаханских и Биби-Эйбатских промыслах. К 17—18 июля забастовка закончилась, она втянула в ряды бастовавших самые низшие слои пролетариата, мусульманское население и забитых персов, и в этом было громадное значение стачки — впервые эти наименее сознательные рабочие открыто боролись за улучшение своей участи — росло массовое рабочее движение.

Тифлис. Всеобщая забастовка бакинских рабочих не могла остаться без ответа со стороны

тифлисского пролетариата, в рядах которого было большое количество сознательных рабочих, в особенности в железнодорожных мастерских и депо станции Тифлис; в Тифлисе же возникли и первые социал-демократические кавказские кружки еще в 1896—97 г.г. С начала XX в. в экономическую и политическую борьбу втягивалось все большее количество рабочих, 1901 год был для Тифлиса временем беспрерывных стачек, в 1903 году демонстрации стали обычным явлением в Тифлисе; в начале того же 1903 года образовалась здесь и обще-кавказская единая организация из слияния трех комитетов партии (Тифлис, Баку и Батум), получившая название Кавказского Социал-демократического Рабочего Союза. По призыву этого союза и была об'явлена, в знак солидарности с бакинскими рабочими, всеобщая забастовка в Тифлисе на 14 июля 1903 г. Тифлисский пролетариат был в это время в крайне возбужденном состоянии. Незадолго до дня забастовки, 1 июля, произошла здесь большая политическая демонстрация по случаю отправки в ссылку четырех политических заключенных.

Вот как описывал эту демонстрацию в 45 № «Искры» один из ее очевидцев: «Было уже половина первого, второй звонок давно прозвонил, но ссыльных еще не приводили. Наконец привели уголовных, но среди них наших четырех товарищей не было. Поезд двинулся, и в это самое время на платформе среди многочисленных рабочих (около 10.000 человек) гордо поднялось красное знамя, на котором на трех языках золотыми буквами было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует свобода! Долой самодержавие!». Демонстранты, думая, что в этом поезде находятся наши товарищи, минуты на три остановили поезд. Тогда со стороны властей началась зверская расправа, начали стрелять из револьверов в рабочих. Из наших было ранено пять человек, один ранен

очень тяжело, а другие не опасно... они узнали, что были обмануты... когда они вернулись в город, то увидели четыре кареты, окруженные казаками вместе с полицеймейстером и губернатором — это везли четырех политических. Здесь, конечно, толпа выказала свою симпатию к благородным борцам».

После демонстрации через день вспыхнули стачки строительных рабочих, через несколько дней стачка приказчиков. И те и другие требовали уменьшения рабочего дня; не дождавшись удовлетворения своего требования, приказчики ровно в 8 часов вечера восемь дней подряд выходили на улицу и закрывали все магазины. Забастовка кончилась победой рабочих и приказчиков. 12 июля возникла новая забастовка типографских рабочих, забастовали также хлебопеки, официанты и мясники.

Наконец, 14 июля была об'явлена всеобщая забастовка. Тифлисский социал-демократический комитет призывал поддержать бакинских рабочих и выставил те же требования, какие были об'явлены и в Баку — 8-часовой рабочий день и повышение заработка на 25%. С утра стали: железнодорожное депо, все заводы, мелкие мастерские и конки. К вечеру того же дня конки пошли, но с заменой кондукторов солдатами и под охраной штыков.

Центром забастовки, как и всегда, были железнодорожное депо и мастерские, около 4—5 тысяч рабочих; за исключением утра 14 июля, собраний устраивать не удалось, так как администрация давно готовилась к забастовке и наводнила город войсками. Тифлис имел вид завоеванного города: близ железнодорожных мастерских стояли взводы пехоты в полной форме, каждые четверть часа раз'езжали казацкие патрули. Правда, казаки не стреляли, но зато били нагайками до остервенения. В листке, выпущенном Союзным комитетом Р. С.-Д. Р. П. так описывались действия поли-

ции: «Казаки и полиция хватают на улицах рабочих, производят над ними невероятные истязания... Рано утром 16 в Дидубэ произошла схватка между стачечниками и нарядом казаков. Рабочие избили казаков и обратили их в бегство; немедленно явился взвод казаков с офицером. Нет слов описать те ужасы, которые здесь произошли. На улице никого не было, казаки бросились в дома рабочих, ломали мебель, без конца били женщин и детей». («Искра» № 44—45). Всеобщая стачка длилась недолго, к концу недели уже начали приступать к работе: как поддержка бакинцам забастовка достигла своей цели.

Ст. Михайловка. Одновременно с Тифлисом вспыхнула стачка и на ст. Михайловка. 14 июля рабочие бросили работу и толпой в 500 человек с красным знаменем в руках обошли улицы. «Часть демонстрантов, около 150 человек, направилась, по словам очевидца, на станцию железной дороги; здесь толпа была встречена одним из инженеров... Инженер ответил им, что сам удовлетворить их требований не может, а даст сейчас же телеграмму в Петербург. Требования рабочих были те же, как и всюду — 8-часовой рабочий день и повышение заработка. Инженер ушел на телеграф, взяв предварительно слово с пристава, командующего отрядом, не стрелять в рабочих. В это время подошел боржомский поезд, один из рабочих вздумал отцепить паровоз. На него бросились стражники, к рабочему пришли на помощь еще несколько рабочих. Завязалась борьба. Пристав приказал стрелять, и в результате 36 раненых и убитых». Стачка на ст. Михайловка прекратилась почти одновременно с Тифлисом: рабочие хотели лишь показать свое единодушие с пролетариатом Баку и Тифлиса, что и было ими выполнено.

Батум. Вслед за Тифлисом поднялся Батум. В городе было больше двадцати заводов, нефтяных, где производилась разливка керосина для вы-

воза за границу, и жестяно-паяльных для приготовления ящиков. Положение рабочих на заводах было отчаянное. «В паяльных отделениях нефтяных заводов рабочие хворают горловыми и грудными болезнями, так как воздух в этих мастерских насыщен парами разных кислот. В разливочных отделениях у рабочих пухнут ноги и покрываются язвами» («Искра» № 16). Социал-демократическая работа началась среди батумских рабочих с 1901 года и шла настолько успешно, что в начале 1902 г., в феврале—марте месяце, батумский пролетариат вступил в открытый бой с капиталистами. Стачка сопровождалась демонстрацией, направившейся к тюрьме с требованием освободить арестованных товарищей или в противном случае арестовать их всех. Демонстранты были загнаны хитростью в казармы. «На другой день новая толпа рабочих подошла к зданию пересыльной части и произошло столкновение с солдатами. Солдаты сделали залп в безоружную толпу, толпа рассеялась, но на месте остались один убитый рабочий и 19 раненых» («Искра» № 20).

9 марта 1903 года, в день годовщины мартовских событий, за три месяца до всеобщей забастовки, рабочие устроили грандиозную демонстрацию. «С четырьмя развернутыми флагами рабочие обошли весь город, по дороге разбрасывали прокламации и стреляли из револьверов. Демонстрация совпала с окончанием судебного производства о двадцати одном человеке, которым был вынесен оправдательный приговор. Рабочие остановили на ходу поезд, в котором ехал весь состав окружного суда и двое из защитников рабочих; защитникам была устроена трогательная овация» («Искра» № 37).

Немудрено, что при такой организованности батумских рабочих июльская забастовка в Батуме была полная и образцовая. Она началась 16 июля. Вся жизнь замерла; все рабочие заводов и мастер-

ских, портовые рабочие, рабочие электрической станции, подметальщики улиц, носильщики на вокзале, извозчики, ремесленные мастерские бастовали. Закрылись все магазины, конторы. 17 июля состоялась на базаре сходка, около 6 тысяч человек. На улицу вынесены были столы, они немедленно превратились в трибуны, с которых произносились речи на русском, армянском и грузинском языках. Подошедшее войско рассеяло собравшихся. 18 июля стачечники пытались устроить демонстрацию, собрались около электрической станции, развернули красное знамя, но были рассеяны казаками; один рабочий был убит, двое ранены. Забастовка в Батуме продолжалась три дня. Она ярко выявила единодушие батумского пролетариата со всем пролетариатом Кавказа.

Поти. Из всего вышеизложенного видно, что в июльской стачке на Кавказе принимало участие большое количество рабочих — в Баку около 50.000 человек, в Тифлисе не меньше 15 тысяч, в Батуме и Поти около 10.000; но забастовка не ограничилась этими тремя крупными промышленными центрами, — она захватила и ряд других пунктов.

Закавказская ж. д., Шатурский горный округ. На линии Закавказской жел. дороги бастовало около 5.000 чел. (Михайловка, Сантреди и окрестности), в Шатурском горном округе около 20.000 ч. Всего около 100.000 стачечников, не считая крестьян, среди которых в Озургетском и других уездах также происходили волнения по случаю отказа обрабатывать землю помещиков на прежних условиях.

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В ЧЕРНОМОРСКИХ ГОРОДАХ.

Одесса. Одновременно с забастовкой в Баку вспыхнула стачка и в Одессе. В этом портовом городе с большим рабочим населением уже с середины девяностых годов существовали социал-демократические кружки. С начала XX века в Одессе, также как и во всей России, поднялось массовое рабочее движение; в течение зимнего сезона 1902—03 года здесь произошли крупные забастовки на сахарных и механических заводах. В январе 1903 года была организована под руководством социал-демократии политическая демонстрация одесских рабочих.

С конца 1902 года, после неудачной попытки в Вильне, зубатовцы перенесли свою деятельность в Одессу, где они могли рассчитывать на успех, с одной стороны, среди лучше поставленных квалифицированных и в то же время умеренно настроенных рабочих и, с другой, среди громадной массы малосознательных портовых и судорабочих, босяков и полубосяков. Попытка «независимых», (как называли себя зубатовцы) привлечь на свою сторону еврейское ремесленное население, находившееся под влиянием социал-демократии, потерпела крах; с большим успехом действовали зубатовцы среди рабочих механических заводов, мало затронутых революционным движением. Здесь главе «независимых»—Шаевичу удалось организовать союз рабочих по металлу г. Одессы. По уставу целью союза было не только устройство лекций,

библиотек и т. п. для поднятия умственного уровня своих членов, но и борьба за улучшение условий жизни и труда рабочих механического производства. Для того, чтобы завоевать влияние в рабочей среде, руководители союза принуждены были поддерживать возникшие на заводе стачки и помогать рабочим в их борьбе против капиталистов. Против своей воли союз оказался вскоре в центре стачечного движения. Еще в конце апреля, под давлением рабочих, комитет независимой рабочей партии начал забастовку на заводе Рестеля (200 чел.) по случаю увольнения одного рабочего. Стачка затянулась, касса союза стала истощаться, между тем владелец завода не шел ни на какие уступки. Предприниматели решили организовать общество взаимопомощи против стачек, к ним на помощь пришла фабричная инспекция и они, об'единившись, выступили против зубатовщины. Заводская администрация заменила всех бастовавших рабочих новыми, прежних же рабочих об'явила уволенными. Рабочие, измученные длившейся более месяца стачкой, обратились к Шаевичу с просьбой оказать давление на Рестеля, Шаевич в ответ предложил им искать новые места. Вера в комитет независимой рабочей партии сильно пала, и многие рабочие перестали вносить деньги в кассу союза. Чтобы как-нибудь покончить с рестелевской стачкой, «независимцы» повели агитацию за новую стачку уже в порту: они надеялись убедить темных невежественных грузчиков в том, что начальство заботится об улучшении их тягостного материального положения и, таким образом, поднять среди них престиж царской власти.

Не успела еще агитация зубатовцев пустить глубокие корни среди портовых рабочих, как вспыхнула забастовка среди железнодорожников. 1 июля 1903 года забастовали железнодорожные рабочие Большого вокзала, около 2.500 чел. Поводом к стачке послужил расчет одного рабочего

котельного цеха. Одесский социал-демократический комитет хотел использовать стачку для политической агитации, но в первое время потерпел неудачу — организованные «независимые» около 150 человек, грозили сорвать стачку, если на собраниях будут произноситься политические речи и распространяться листки социал-демократического комитета. Настроение забастовавших было подавлено обструкцией «независимых» и они не решились отстаивать выработанных ими требований: 9-часовой рабочий день вместо 10, увеличение заработной платы, возвращение расчитанных товарищей, вежливое обращение и ряд других и согласились приняться за работу, получив обещание начальника дороги удовлетворить их мелкие требования. Днем третьего июля железнодорожники приступили к работе. «Независимые» ликовали, но не долго. Прошло несколько дней, и настроение массы изменилось; она увидела, что была обманута. «Листок одесского социал-демократического комитета по поводу стачки железнодорожных рабочих читался очень охотно. 6 июля состоялось собрание около 300—400 человек, исключительно железнодорожников, где ораторами социал-демократического комитета подробно разбирались вопросы о борьбе пролетариата в России...

...Возгласы ораторов: «Долой самодержавие» и другие были очень дружно поддержаны собравшимися.» («Искра» № 45-47)

Между тем успешно шла агитация зубатовцев и в порту. 4 июля началась знаменитая стачка портовых рабочих, положившая начало всеобщей забастовке в Одессе. Рабочие-грузчики выставили требования: 1) об увеличении заработной платы до 2 рублей, 2) уменьшение рабочего дня на полчаса. 5 июля к грузчикам присоединились чернорабочие карантинной гавани, Российского общества пароходства и торговли, Добровольного флота, Черноморско-Дунайского общества, а также частно-

владельческих судов. С утра 6 июля прекратили работу рабочие всех без исключения отделов и гаваней одесского порта, забастовка охватила все слои рабочих, без различия национальностей. Срочные почтово-пассажирские и товарно-пассажирские пароходы уходили без груза или снимались с опозданием на сутки или на двое суток. Исключения делались рабочими лишь для иностранных судов, где за нагрузку или выгрузку платили не поденно, а от партии зерна или другого товара. Размах забастовки превзошел ожидания «независимых», председатель комитета Шаевич уклонился от руководства забастовкой и предложил забастовавшим сократить свои требования, «не бить стену лбом, а сверлить ее понемногу». Настроение рабочих начало падать, на третий день забастовки стали являться в порт маленькие партии рабочих, главным образом, угольщиков, желавших временно работать в том или другом месте порта за удовлетворительную плату, но другие рабочие не давали им стать на работу, и между ними часто происходили драки; на четвертый день возобновили работу грузчики Добровольного флота, заграничного агентства Российского общества пароходства и торговли и Черноморско-Дунайского общества, получив увеличение заработной платы до 1 руб. 50 коп. вместо 80 коп. или 1 рубля и уменьшение рабочего дня на ½ часа. Продолжало бастовать 6.000 человек, желавших добиться выставленных ими требований полностью. Зубатовцами, при благосклонной помощи полиции, были сорганизованы бессознательные массы грузчиков, среди которых, при тогдашних полицейских условиях, трудно было вести партийную работу, но полученными результатами зубатовской пропаганды воспользовались революционные партии. Почва для партийной агитации среди грузчиков была готова. Социал-демократический комитет выпустил листок «Ко всем забастовщикам г. Одес-

сы» с призывом дружно отстаивать пред'явленные требования: 1) 8-часовой рабочий день, 2) увеличение заработной платы не менее, чем в 1½ раза, 3) плата больным до выздоровления, 4) отмена сдельной работы, 5) вежливое обращение. Листок читался нарасхват. На больших собраниях забастовавших выступали с успехом присланные социал-демократическим комитетом ораторы, и возгласы «Долой самодержавие» дружно подхватывались стачечниками.

10 июля к забастовке примкнули служащие на русских судах, кочегары и матросы. На следующий день, в том самом доме на насыпи, где обычно происходили крупные собрания «независимцев», собралась тысячная толпа; на уговоры Шаевича прекратить забастовку собравшиеся ответили отказом. В тот же день, выработанные на совещании требования, были предъявлены начальнику порта, и тот обещал оказать содействие. Рабочие выжидали исполнения данного обещания, но надежды их были скоро разбиты. 12—13 июля прибыли из Севастополя в Одессу 500 человек военных матросов и кочегаров 33 флотского экипажа; по распоряжению начальства, они заменили забастовавших на пароходах Р. О. П. и Т. и Российского о-ва транспорта, и рейсы возобновились.

Стачка разгоралась. 15 июля забастовали кондуктора и кучера конок. 16 июля прекратили работу фабрики Жако, Вальдука, Родонаки и др.; стала и монополька. Полиция разгоняла собрания, но к решительным действиям не переходила. За первые дни забастовки было арестовано только трое рабочих. С 6 часов утра 17 июля в Рубов сад — обычное место собраний — повалили толпы рабочих и работниц. Посланные с.-д. комитетом ораторы произнесли несколько речей о связи экономической борьбы с политической и о роли государства в борьбе рабочих за свои интересы, — но об'единить всех собравшихся им не удалось: «не-

зависимые» сгруппировали вокруг себя кучки рабочих и не давали говорить выступавшим социал-демократам. Страсти разгорались. Крики: «долой независимых!» и «долой социал-демократов!» грозили перейти в рукопашную. Неожиданно раздался призыв итти остановить пробочный завод. Призыв был подхвачен, и началось величественное шествие 8—10 тысячной толпы с завода на завод, и те немедленно прекращали работу. Выросшая до 40—50 тысяч толпа направилась в порт. «Как раз в это время собирался в путь пароход «Цесаревич Георгий» с казенными матросами. Рабочие взошли на пароход, предложили всем пассажирам немедленно сойти на берег (дело было уже после второго звонка), выпустили пар и дали оглушительный свисток; все служащие покинули пароход и большинство двинулось с толпой в город.» («Революционная Россия» № 29). По дороге стачечники остановили все, даже самые маленькие мастерские. Железная дорога не работала, вечером из Одессы не вышло ни одного поезда; курьерский поезд был остановлен толпой, — выпустили пар и густыми рядами улеглись на рельсах. Лишь в час ночи, удаляя толпу прикладами, удалось военному начальству вывести поезд за Тираспольскую заставу; сформирован же он был окончательно только на ст. Раздельной. Полиция и солдаты, как и в предыдущие дни, почти не вмешивались в действия толпы, столкновение произошло лишь на центральной электрической станции, но и здесь были даны лишь два залпа холостыми зарядами. Вечером 17 июля вновь было устроено несколько сходок, влияние «независимых» падало, рабочие видели, что от них нечего было ждать помощи; не оказалось у «независимых» и ораторов: Шаевич, видя, что дело проиграно, скрылся неизвестно куда. Социал-демократы выступали с успехом и в здании комитета «независимых», и в Рубовом саду.

В пятницу, 18 июля, наступил перелом в действиях властей. Телеграмма Плеве требовала самых энергичных мер. Зубатовщина обманула надежды царского правительства, спасение видели вновь лишь в оружии и тюрьмах. Утром из Бендер прибыло в Одессу на экстренном поезде 600 казаков. Главная станция была очищена от стачечников. Утренняя сходка в Рубовом саду была рассеяна военной силой; часов в 11—12 без всякого предупреждения казаки с нагайками и солдаты со штыками и прикладами напали на стачечников. Толпа бросилась из сада; на месте осталось несколько раненых. Несмотря на избиение казаками, три группы рабочих проникли в город — одна из групп с пением революционных песен дошла до Сенной площади, где была разогнана штыками пехоты; другая была встречена казаками на углу Нежинской; третья, самая большая, около 5 тысяч человек, направилась к Толкучему рынку, развернув в виде знамени платок, смоченный в крови одной из работниц. Демонстрация продолжалась минут двадцать пять, все время раздавались революционные возгласы, песни и громкое ура. На Екатерининской ул. на демонстрантов налетели казаки и полиция. «Околоточные, получившие новые инструкции, неистовствовали, подавая пример казакам, полицейским и солдатам. Они метались из стороны в сторону, как бешенные звери, нанося направо и налево страшные удары своими резинами (гибкие круглые полосы в 2 пальца толщиною и 1½ аршина длиной), приговаривая при каждом ударе: «Тебе тоже прибавка нужна (т.-е. прибавка заработной платы), вот тебе прибавка!» («Революц. Россия» № 29).

Город превратился в настоящий военный лагерь. Комитет независимых был закрыт. К вечеру правление парового трамвая решило пустить поезд на Б. Фонтан; кондуктора толпой пошли к поезду и легли на рельсы. Вызваны были войска и рельсы

очистили от людей ударами прикладов и нагаек, кондукторов и кучеров заперли в депо и там, утром 20 июля, подвергли избиению и истязанию. 120 человек кондукторов были арестованы и отправлены под конвоем на три баржи, вывезенные из рейда в море. В следующие дни прибыл из Тирасполя Астраханский полк, солдат местного гарнизона вернули в город, на Соборной площади вырос целый лагерь казаков и солдат. Город был наводнен войсками, начались массовые аресты. На Б. вокзале, на Тираспольской заставе, Пересыпи, у Гента рабочих били, принуждая стать на работу. 21—22 июля работы возобновились. Сотни стачечников были высланы на родину, в северные губернии и в Сибирь; часть арестованных была предана суду; до суда они почти целый год просидели в тюрьме. Четыре человека из них были оправданы, остальные были заключены вновь в тюрьму на срок от 4 лет до 2 месяцев. Был подвергнут высылке и прежний исполнитель царской воли Шаевич, сначала в Усть-Сысольск, Вологодской губернии, а позже в Сибирь.

Николаев. Из черноморских промышленных городов забастовка вспыхнула, кроме Одессы, в Николаеве. По призыву социал-демократического комитета стачка началась там утром 21 июля. Первым забастовал Французский завод; по прекращении работ толпа забастовавших, около 3.000 человек, двинулась к Черноморскому заводу; рабочие ворвались во двор, дали гудок, и Черноморский завод, около 600 рабочих, стал. С развернутыми знаменами и с пением революционных песен рабочие направились в город, в сопровождении войск и полиции. По дороге демонстранты встретили градоначальника и пред'явили ему свои требования: восьмичасовой рабочий день и политическая свобода. Градоначальник ответил, что не может их удовлетворить и предложил разойтись. Во время переговоров один из малосознательных рабочих

швырнул в градоначальника камнем и ранил его в голову. Произошло замешательство, бросившего камень полиции арестовать не удалось. Толпа продолжала свой путь и подошла к водочному заводу, который был окружен войсками. Рабочие оттеснили солдат и освободили работницам выход из здания. Завод примкнул к забастовке. Тысячная толпа демонстрантов прошла версты полторы по улицам города, полиция и войско бездействовали, их было недостаточно. 22 июля были вызваны в Николаев войска из ближайших городов и начались аресты.

После трех дней стачки рабочие стали на работу. Продолжалась забастовка лишь на Французском заводе, где был об'явлен рассчет всем прежним рабочим. Заводская администрация принимала вновь на работу лишь благонадежных; забастовавшим удалось добиться приема прежних рабочих. Так закончилась николаевская стачка, отличавшаяся своим ярким политическим характером.

Елисаветград. 26 июля началась забастовка и в отдаленном от Николаева и Одессы Елисаветграде.

Феодосия, Керчь. 24 августа, через месяц, забастовали в Феодосии портовые рабочие; еще позже, 8 сентября, вспыхнула забастовка в Керчи, где она продолжалась целых 6 дней. Стачечная волна разливалась и захватывала город за городом.

ЗАБАСТОВКА В ГОРОДАХ ПРИДНЕПРОВЬЯ.

Киев. Широкое забастовочное движение, охватившее южную Россию, коснулось промышленных городов Приднепровья. Первыми поднялись киевские рабочие, среди которых уже давно велась революционная пропаганда. 17 июля киевский социал-демократический комитет выпустил прокламацию, в которой сообщал о забастовке на Кавказе и в Одессе и призывал рабочих к стачке из солидарности. Ответа на призыв пришлось ждать недолго. Утром 21 июля вспыхнула забастовка в железнодорожных мастерских и на машиностроительном заводе Южно-русского общества. По указанию комитета рабочие пред'явили ряд требований: 8-часовой рабочий день, увеличение расценки на 40—50%, выдача поденной платы за время болезни, вежливое обращение и многие другие. Мелкие требования рабочих были удовлетворены немедленно, а главные же требования обещано было «представить на усмотрение высшего начальства». В заключение предлагалось рабочим немедленно с 23 числа приступить к работе, все, неподчинившиеся этому распоряжению, считались уволенными. Угроза увольнения не остановила развивавшейся забастовки. 22 июля к стачке присоединились рабочие большинства киевских заводов, фабрик и типографий, число бастовавших достигло 4.000 человек.

23 июля железнодорожные рабочие расположились на путях перед запертыми мастерскими с целью прекратить движение поездов. К ним при-

соединились забастовавшие рабочие с других заводов. Из толпы выступило несколько ораторов и открылась сходка. Между тем «неприятель» стягивал свои силы. Впереди рабочих расположились солдаты, сзади в об'езд посланы были казаки. Рабочие оказались под двойным натиском — казаки врезались в толпу с нагайками в руках, с одной стороны, солдаты стали давить на рабочих, с другой. «Побоище разыгралось ужасное: скатившихся под насыпь встречали с'ехавшие вниз'казаки и поднявшихся снова повергали на землю и так несколько раз, пока, наконец, избитому не удавалось скрыться; стреляли не только в толпу рабочих, но и в жен и в детей рабочих, расположившихся по откосу, откуда начинают катиться трупы убитых и раненые... Прижатых к забору рабочих казаки рубили шашками, а солдаты брали в штыки. Особенно страшное впечатление производят изрубленные... Вот лежит с воткнутой в живот шашкой рабочий, которого подбирают проходящие мимо солдаты, там, дальше женщина с ребенком, превратившимся в груду мяса»—так описывал очевидец происшедшую бойню («Револ. Россия» № 31). По официальным данным при рассеянии толпы было убито трое и ранено 27 человек, на самом же деле пострадало гораздо большее число людей, — в одной только железнодорожной больнице лежало 135 раненых.

В следующие дни стачка все ширилась. 24 июля забастовали вагоновожатые и кондуктора трамваев, 25 июля все береговые рабочие, мастера и кочегары, в управлении Юго-западной железной дороги прекратили работу телеграфисты. В Киеве, как во многих других городах, у партии не хватало сил сорганизовать всю поднявшуюся массу, местами стачки носили неорганизованный стихийный характер. И, несмотря на это, забастовка все росла и к 26 июля превратилась во всеобщую, — трамваи не ходили, все заводы, фабрики, винные лавки,

мастерские, булочные, типографии были закрыты, водопровод и электрическая станция охранялись солдатами.

В ночь с 25 на 26 июля были произведены массовые обыски и аресты среди рабочих; назначенная социал-демократическим комитетом демонстрация не удалась. Киевское начальство, знавшее о предполагавшейся демонстрации, спешно к ней готовилось. Все войска были вытребованы из лагерей в город, на помощь были вызваны войска и из Полтавы. В 10 час. утра, 27 июля, во дворе Софийского собора, месте сбора демонстрации, уже стояли наготове войска. Аресты продолжались. 188 человек участников беспорядков были подвергнуты, по распоряжению губернатора, аресту от 3 недель до 3 месяцев.

С утра 27 июля пошли трамваи, кондуктора и вагоновожатые согласились стать на работу, добившись лишь частичных уступок. Забастовка быстро пошла на убыль, дольше всех держались рабочие железнодорожных мастерских. 1 августа стачка закончилась, типографские рабочие добились восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы и уплаты половинного жалованья за первый месяц болезни, на дрожжевом заводе был также введен восьмичасовой рабочий день, булочники добились исполнения всех своих требований, телеграфистам прибавили по 5 руб. в месяц. Грозная всеобщая забастовка заставила капиталистов пойти хотя бы на временные уступки рабочим.

Александровск, Конотоп. Из Киева стачки перекинулась в города Екатеринославской губернии. 26 июля в Александровске забастовали все ремесленные заведения; в Конотопе произошла забастовка в железнодорожных мастерских.

Екатеринослав. Грандиозные размеры приняла стачка в Екатеринославе, в котором было до 30.000 человек заводских рабочих. Слухи о южных забастовках стали волновать рабочее население

Екатеринослава, начиная с двадцатых чисел июля. После известий из Киева разговоры о стачке пошли еще сильнее, разговорам способствовало и экономическое положение рабочих, очень плохое, благодаря недавнему кризису. Для руководства забастовкой образовалась специальная стачечная комиссия, по решению которой стачка была назначена на 7 августа. За два дня до начала организованной стачки вспыхнула стихийная забастовка среди булочников, но на следующий день булочники уже приступили к работе, при чем несколько десятков человек было арестовано. Перед самым началом стачки екатеринославским социал-демократическим комитетом была издана прокламация, в которой излагались требования бастовавших: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, прекращение работы накануне праздников в 2 часа дня, улучшение гигиенических условий труда и др.

7 августа, в 8 часов утра, как было назначено, рабочие железнодорожных мастерских бросили работу и двинулись толпой к заводу Эзау; на заводе раздались звонки у машин, дал тревогу гудок, и рабочие завода Эзау, бросив работу, присоединились к товарищам. Толпа направилась к соседним заводам — Брянскому, трубопрокатному и гвоздильному. Рабочие всюду присоединялись, и число бастовавших, по официальным данным, достигло 9.000 человек. Екатеринославская власть готовилась к забастовке: у Брянского завода уже заранее были поставлены казаки и конная полиция. Произошла стычка. Казаки с нагайками бросились на толпу. Одна из женщин-работниц оторвала конец нагайки, в которой, как всегда, был вделан внутри ремня кусок железного стержня в палец длины и толщины, подняла его кверху и закричала: «Смотрите, чем бьют вас, ваших детей, ваших жен и ваших старых матерей. Ведь мы скотину не ударили бы этим!», и в гневе, подняв кирпич, бросила

его в офицера. В ответ на удар офицер скомандовал: «На прицел!» Раздались выстрелы, упал один, другой, третий. Убито было одиннадцать человек, тяжело ранено 13, из них трое умерло на следующий день, легко ранено 15 человек. В этот день забастовали все крупные заводы, продолжалась работа только в более дальних заводских поселках Амура и Нижнеднепровске; в городе забастовали типографщики, вслед за ними бросили работу многие другие цехи, но далеко не все.

На следующий день, 8 августа, утром состоялась многочисленная сходка на Чечелевской площади. Ораторы свободно, в присутствии полицеймейстера, говорили о тяжелых условиях труда, о чрезмерной эксплоатации рабочих и о стачке, как о приеме экономической борьбы и форме политического протеста. Собрание горячо приветствовало ораторов, но к сожалению, разделяла мнение выступавших революционеров лишь передовая часть рабочих, малосознательная же масса, хотя и была временно увлечена речами, но увлечение это было очень поверхностным, и его хватило лишь на короткое время — 2—3 дня. В самом разгаре собрания по полю мимо него прошла процессия за гробами погибших во время стычки с казаками. Со стороны собравшихся рабочих послышались угрозы полиции, войску, правительству. После собрания толпа в 3—4 тысячи человек двинулась в город к трамвайному депо; была остановлена машина, и трамвайное движение прекратилось, но не надолго, оно возобновилось в тот же день. Вечером забастовал ряд заводов на Амуре и Нижнеднепровске — машиностроительный, эстампажный, оцинковальный, трубопрокатный и печной. 9 августа с утра прекратились работы и в местных вагоностроительных мастерских. В этот день число бастовавших достигло, даже по официальным данным, 15 тысяч человек.

Город был об'явлен на военном положении. Все заводские поселки были окружены плотным кольцом войск. Несмотря на военное положение, социал-демократам удалось провести ряд сходок, численностью до 4—5 тысяч человек. В воскресенье, 10 сентября, стал заметен перелом в настроении рабочих, чувствовалось угнетенное состояние духа; рабочие собрания продолжались, но народу собиралось уже гораздо меньше и речи, по желанию собравшихся, были большей частью экономического содержания. «Политика» вызывала недовольство со стороны малосознательных рабочих. В понедельник, 11 августа, часть рабочих приступила к работе. Во вторник, 12 августа, работы в Екатеринославе и на заводах брянского района были уже в полном ходу, с 13 стачка прекратилась и в Нижнеднепровске и на Амуре. Полиция торжествовала победу, в связи с забастовкой было арестовано 363 человека. Рабочие, вынужденные стать на работу, не добившись никаких уступок, чувствовали себя побежденными.

Но не так оценивала события социал-демократическая организация. Подводя итог августовской стачке, комитет имел полное право признать, что в сражении, которое организованные екатеринославские рабочие дали правительству, победа осталась на стороне социал-демократии. О поражении здесь не могло быть и речи... После забастовки число активных сторонников комитета стало возрастать с небывалой раньше быстротой... Из всех заводских районов Екатеринославской губернии к комитету стали обращаться с настойчивыми требованиями о регулярном снабжении их социал-демократической литературой, о распространении среди них прокламаций и о посылке туда агитаторов и пропагандистов. Забастовка не оказалась без влияния и на крестьянство». (Отчет Екатеринославского комитета. Приложения к № 12 «Искры»).

ИТОГИ ЗАБАСТОВКИ.

Забастовка постепенно улеглась. Рабочая масса была все еще не готова к сознательному политическому действию. Стачечное движение 1903 г. было, по словам Стеклова, «не продуманное и сознательное движение, а гигантская трогательная жалоба миллионов вечно трудящегося обездоленного люда, пламенно жаждущего лучшей доли, но еще не знающего верных путей к завоеванию человеческой жизни» («Борцы за социализм», ч. II, стр. 73).

Экономические результаты южной забастовки не велики, — стачки подняли положение лишь наиболее отсталых и хуже оплачиваемых рабочих масс, остальные же рабочие получили только незначительные уступки, которые впоследствии были взяты обратно.

Не этими уступками определяется значение всеобщей забастовки 1903 года, она вовлекла в классовую борьбу громадные массы пролетариата, не принимавшие прежде никакого участия в рабочем движении. Это небывалое в России потрясение явилось грозным предвестником революции 1905 года, нанесшей смертельный удар русскому самодержавию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Революция и Р. К. П. в материалах и документах, т. 2, изд. Госиздата.

Л. Мартов — Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 до 1903 г. — История России в XIX в., изд. Т-ва Гранат, Лнг.

Бендер — К стачечному движению на юге России в 1903 г., журнал «Архив истории труда в России», вып. 5 и 6-7.

Ратова — Всеобщая стачка 1903 г. на Кавказе и в Черноморье, журн. «Былое», 1907 г., № 6.

С. Аркомед — Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе (1880—1903 г.г.). М. Госиздат, 1923 г.

Материалы екатеринославской забастовки — журн. «Летопись революции», 1923 г., № 2.

Рубач (ред.) — История екатеринославской социал-демократии (1889—1903 г.), изд. екатериносл. истпарта, 1923 г.

Газета „Искра" за 1903 г.

Газета «Революционная Россия» за 1903 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Рост рабочего движения 3

Всеобщая забастовка на Кавказе:

Баку 7
Тифлис 12
Ст. Михайловка 15
Батум 15
Поти 17
Закавказская ж. д. 17
Шатурский горный округ 17

Всеобщая забастовка в Черноморских городах:

Одесса 18
Николаев 25
Елисаветград 26
Феодосия, Керчь 26

Забастовка в городах Приднепровья:

Киев 27
Александров. Конотоп 29
Екатеринослав 29

Итоги забастовки 33

Список литературы 34

Продолжается подписка на 1928 г.

НА „ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕЧКУ“

ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на 1 год—**5** руб., на 1/2 года—**3** руб.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

1—3. **Ю. Стеклов.** Н. Г. Чернышевский. С портрет. 25 к.
4. **М. И. Дрей.** «Стрельниковский процесс» в Одессе в 1883 г. . . . . 10 „
5. **К. Терешкович.** Московская революционная молодежь 80-х годов и С. В. Зубатов . . . 10 „
6—8. **Л. Гольдман.** Организация и типография „Искры“ в России . . . . . 40 „
9. **В. Ваховская** (Бонч-Осмоловская). Жизнь революционерки . . . . . 12 „
10. **М. Фроленко.** В. Ф. Костюрин „Алеша Попович“ . . . . . 12 „
11. **Е. Субботина.** На революционном пути . . 15 „
12. **Д. Надельштейн.** Тюремные зарисовки . . 12 „
13—14. **А. Ермаков.** Обуховская оборона . . . . . 30 „
15. **И. Коган.** Ростовская стачка . . . . . 12 „
16—19. **М. Адамович.** (К. Арл.) На Черном море . . 50 „
20—21. **Л. Я. Штернберг.** Петр Карлович Домбровский . . . . . 20 „
22—24. **Ал. Егоров.** Балтфлот в годы реакции . . 45 „
25. **Б. Горев.** Революционное народничество 70-х годов . . . . . 15 „
26. **П. Васильев.** На колесухе . . . . . 15 „
27—28. **И. Д. Миловаиова.** Союзы борьбы за освобождение рабочего класса . . . . . 30 „
29—30. **Кон, Феликс.** Наша амнистия . . . . . 25 „
31. **Н. Ф. Насимович-Чужак.** Как и почему я отказался служить царю . . . . . 10 „
32. **И. Коган.** Всеобщая забастовка 1903 г. . . . 15 „

В Издательстве имеются комплекты „Дешевой Библиотеки“ за 1925 и 1926 г. г.

Цена комплекта за 1925 г. (неполного— в 42 №№) **2** р. **50** к., за 1926 г. в 52 №№ — **5** р.,

Заказы и деньги адресовать: Москва—34, Лопухинский пер., д. 6.

Издательство Политкаторжан.

Цена 15 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

1) Правление и склад Издательства Политкатержан, Москва-34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-78.

2) Магазин „МАЯК" Издательства Политкатержан — Москва-Центр, Петровка 7; тел. 3-63-20 и 4-18-12